

Емельян Пиляй — эпизод 3 из 5

Мы молчали, располагаясь около них на земле.

А ну, Никита, подбери кишеню, чтоб ее галки не склевали.

Никита хитро улыбнулся в ус и подобрал кишеню. Емельян скрипел зубами.

Так вам табаку надо?

Давно не курили, сказал я.

Что ж так? А вы бы покурили.

Гей ты, чертов хохол! Цыц! Давай, коли хочешь дать, а не смейся! Выродок!

Аль потерял душу-то, шляясь по степи? Двину вот по башке, и не пикнешь!

гаркнул Емельян, вращая белками глаз.

Чабаны дрогнули и вскочили, взявшись за свои длинные палки и став плотно друг к другу.

Эге, братики, вот как вы просите!.. А ну, что ж, идите!..

Чертовы хохлы хотели драться, в чем у меня не было ни малейшего сомнения.

Емельян, судя по его сжатым кулакам и горевшим диким огнем глазам, тоже был не прочь от драки. Я не имел охоты участвовать в баталии и попытался примирить стороны:

Стойте, братцы! Товарищ погорячился не беда ведь! А вы вот что дайте, коли не жаль, табаку, и мы пойдем себе своей дорогой.

Михаил взглянул на Никиту, Никита на Михаила, и оба усмехнулись.

Так бы сразу и сказать вам!

Затем Михаил полез в карман свиты, выволок оттуда объемистый кисет и протянул мне:

А ну, забери табаку!

Никита сунул руку в кишеню и затем протянул ее мне с большим хлебом и куском сала, щедро посыпанным солью. Я взял. Михаил усмехнулся и подсыпал еще мне табаку. Никита буркнул:

Прощайте! Я поблагодарил.

Емельян угрюмо опустил на землю и довольно громко прошипел:

Чертовы свиньи!

Хохлы пошли в глубь степи тяжелым развалистым шагом, поминутно оглядываясь на нас. Мы сели на землю и, не обращая более на них внимания, стали есть вкусный полубелый хлеб с салом. Емельян громко чавкал, сопел и почему-то старательно избегал моих взглядов.

Вечерело. Вдали над морем родился мрак и плыл над ним, покрывая голубоватой мутью мелкую зыбь. На краю моря поднялась гряда желто-лиловых облаков, окаймленных розовым золотом, и, еще более сгущая

мрак, плыла на степь. А в степи, там, далеко-далеко на краю ее, раскинулся громадный пурпуровый веер лучей заката и красил землю и небо так мягко и нежно. Волны бились о берег, море тут розоватое, там темно-синее было дивно красиво и мощно.

Теперь покурим! Черт вас, хохлов, растаскай! И, покончив с хохлами, Емельян свободно вздохнул. Мы дальше пойдем или тут заночуем?

Мне было лень идти дальше.

Заночуем! решил я.

Ну и заночуем. И он растянулся на земле, разглядывая небо.

Емельян курил и поплевывал; я смотрел кругом, наслаждаясь дивной картиной вечера. По степи звучно плыл монотонный плеск волн о берег.

А клюнуть денежного человека по башке что ни говори приятно; особенно ежели умеючи дело обставить, неожиданно проговорил Емельян.

Будет тебе болтать, сказал я.

Болтать?! Чего тут болтать! Это дело будет сделано, верь моей совести! Сорок семь лет мне, и лет двадцать я над этой операцией голову ломаю. Какая моя жизнь? Собачья жизнь. Нет ни конуры, ни куска, хуже собачьей! Человек я разве? Нет, брат, не человек, а хуже червя и зверя! Кто может меня понимать? Никто не может! А ежели я знаю, что люди могут хорошо жить, то почему же мне не жить? Э? Черт вас возьми, дьяволы!

Он вдруг повернулся ко мне лицом и быстро проговорил:

Знаешь, однажды я чуть-чуть было не того... да не удалось малость... будь я, анафема, проклят, дурак был, жалел. Хочешь, расскажу?

Я торопливо изъявил свое согласие, и Емельян, закулив, начал:

Было это, братец ты мой, в Полтаве... лет восемь тому назад. Жил я в приказчиках у одного купца, лесом он торговал. Жил с год ничего себе, гладко; потом вдруг запил, пропил рублей шестьдесят хозяйских. Судили меня за это, законопатили в арестантские роты на три месяца и прочее такое по положению. Вышел я, отсидев срок, куда теперь? В городе знают; в другой перебраться не с чем и не в чем. Пошел к одному знакомому темному человечку; кабак он держали воровские дела завершал, укрывая разных молодчиков и их делишки. Малый хорошей души, честнеющий на диво и с умной головой. Книжник был большой, многое множество читал и имел очень большое понятие о жизни. Так я, значит, к нему: А ну, мол, Павел Петров, вызволи! Ну что ж, говорит, можно! Человек человеку, коли они одной масти, помогать должен. Живи, пей, ешь, присматривайся. Умная башка, братец ты мой, этот Павел Петров!